

...Вроде «Сможет ли он гром призвать да дождь насрать», «Сможет ли помочь такой одинокой душе, как Цзян Шинин, обрести покой», «Если дело дойдёт до драки, одолеет ли он эту старушку с маленькими ножками из ловушки, что смахивает на злобного духа»...

Главный вопрос был: «Одолеет ли он эту старушку с маленькими ножками из ловушки, что смахивает на злобного духа».

В этом Сюэ Сянь очень и очень сомневался.

В конце концов, этот лысый монах даже для поимки злого духа использовал кусок старой меди.

«Видал ты когда-нибудь, чтобы высший мастер злых духов *лопатай* загребал?» — спросил Сюэ Сянь.

«Не-а!» — сам себе и ответил.

Сюань Минь нахмурился, краешком глаза скользнув по негоднику на своё плече, что что-то там бормотал. Его длинные, тонкие и красивые пальцы легли на дверь. Раньше он открывал двери с некоторой осторожностью, почти бесшумно. На сей раз, видимо, решил отбросить сомнения и толкнул дверь решительно и без церемоний.

Багровая узкая дверь распахнулась настежь, с грохотом ударившись о стену.

Сюань Минь уже было собрался шагнуть вперёд, как почувствовал, что бумажный человечек на его плече опять зашевелился. Тот, не проронив ни звука, уткнулся головой и принялся сползать вниз по монашеской одежде. С «высоты», с которой так удобно было «обозревать окрестности», он молча спустился к поясу, повисел там с секунду, словно в немом соболезновании, а затем юркнул в потайной карман, очень аккуратно прикрыв его за собой.

Каждая частичка его, с макушки до пяток, выражала одну простую мысль: «Ищи свою погибель не спеша, а я уж пожалуй пойду».

Сюань Минь: «...»

За этой узкой дверью открылся квадратный внутренний дворик, соединённый с передним залом и центральными покоем, а по бокам шли галереи. Странное дело — даже такой громкий, ничем не прикрытый звук открытия двери не вызвал мгновенной реакции обитателей. Сюэ Сянь, сидя в кармане и подперев «подбородок», подождал немного, но так и не услышал топота приближающихся ног. Не выдержав, он снова раздвинул края кармана и высунул голову.

В дворике не было видно ни души — тишина и покой. Лишь из переднего зала доносился приглушённый смех, очень похожий на голос советника Лю.

К советнику Лю Сюэ Сянь не питал ни капли симпатии, но происходящее в переднем зале всё же немного заинтересовало его.

Пока он размышлял, Сюань Минь уже переступил порог и бесшумно прошёл по галерее к заднему входу в передний зал.

Из заднего входа обозревать зал не получалось — мешала огромная ширма. Чтобы попасть внутрь, нужно было обойти её сбоку. Сюэ Сянь воочию наблюдал, как этот бесстрашный лысый монах перешагнул через порог и встал за ширмой, совершенно открыто подслушивая разговор

в зале.

Сколько всего людей было в зале, Сюэ Сяню знать не дано, но говорили лишь двое. Один из них определённо был советник Лю, второй же, судя по голосу и неторопливой манере речи, — пожилой гость.

Старик говорил: «Кстати, в последние дни весь городок судачит об одном слухе — правда не знаю, правда ли».

Советник Лю вопросительно промычал: «О чём же?»

— О пожаре в лекарском зале семьи Цзян, старый друг, слышал?

— Как же, как же, — отозвался советник Лю, почему-то сухо. Он несколько раз повторил это, словно взял паузу, чтобы отхлебнуть чаю, и лишь затем сокрушённо цокнул языком:

— Тела ещё управа убирала — до углей обгорели, если бы не свидетельство лекаря, и не признать бы, что человеческие.

— Вспоминаю, много лет назад, когда я в городок заезжал, имел честь повидать того лекаря Цзяна, и вот как... эх! — старик вздохнул и продолжил:

— Но в городке-то все говорят, будто лекарский зал семьи Цзян неправильно твою матушку лечил, лекарство не то прописал, оттого она и преставилась... Это как же...

Советник Лю снова поднял чашку и отпил. Звук глотания был так отчётлив, что его слышал даже Сюэ Сянь.

Тот, казалось, сдерживал какую-то эмоцию или, напротив, собирался с духом. Отхлебнув ещё разок, он с лёгким стуком поставил чашку на стол, и его голос прозвучал взволнованно и даже как-то неестественно резко: «Об этом уж не будем! Семейство Цзян своё наказание получило, и я уж считать перестал! Жаль только матушку мою — полжизни в трудах, лишь несколько лет покой повидала, и вот... эх...»

Услышав такую горячность советника Лю, старик поспешил его утешить: «Ладно, ладно, не будем, не будем! Шарлатаны людям покою не дают...»

Услышав это, Сюэ Сянь нахмурился.

Ему вдруг вспомнился тот день, когда он впервые попал в опустевшую усадьбу семьи Цзян. Огромный дом, повсюду битая черепица, буйство сухой травы, гнетущая тишина и холод. Хоть солнце и светило вовсю, в воздухе висела тяжёлая, давящая печаль. Когда он, подхваченный ветром, приземлился во дворе, то случайно встретился взглядом с Цзян Шинином, сидевшим в углу.

Только тогда он и понял, что вся эта печаль исходила от этого одинокого духа.

Жаль только, что дух Цзян Шинин был изрядно туманен в мыслях: помнил всё из прижизненного, но позабыл о посмертном.

Сюэ Сянь тогда спросил его: «И что ты тут сидишь? Умер — так отправляйся в новый круг, в мире живых торчишь, срок пропустишь — так и не переродишься потом».

Цзян Шинин на мгновение задумался, затем ответил: «А, родителей жду, вместе в путь».

соберёмся. Они в годах уже, мне присмотреть за ними надо».

Сюэ Сянь тогда и подумал, что этот одинокий дух, видать, ум за разум зашёл от чтения, раз такие речи городит.

«А родители-то твои где?» — спросил он, скривившись.

Цзян Шинин вздохнул: «Поди, не туда пошли. А у меня тела настоящего нет, даже за ворота не выйти — искать негде».

Сюэ Сянь посмотрел на него и сказал: «Ладно уж, сделаю доброе дело, помогу. Но с условием».

«Каким?» — без обиняков спросил Цзян Шинин.

Сюэ Сянь ответил: «Дом твой мне на несколько дней».

...

С тех пор как Сюэ Сянь снабдил Цзян Шинина бумажной оболочкой, тот каждую ночь искал людей по городку. За три дня он уже почти дважды весь городок обошёл — и безрезультатно.

Раньше Сюэ Сянь предполагал, что родители Цзян Шинина, возможно, уже отправились в путь первыми. Но теперь, услышав речь советника Лю, у него внезапно зародилась смутная догадка.

Он уже собрался было снова вскарабкаться по монаху на плечо, чтобы поделиться мыслью, как в переднем зале снова зашевелились.

Послышался голос советника Лю: «Ах да, в прошлый раз я говорил, что приобрёл одну изящную вещицу, хотел старому другу показать, да чуть не забыл. Пойдём, пойдём, в задние покои».

Услышав это, Сюэ Сянь тут же ткнул Сюань Миня в бок.

Но бумажная оболочка тыкается не сильно, это скорее щекотка, чем удар.

Сюань Минь, почувствовав щекотку у пояса, слегка нахмурился. Он уже было собрался развернуться и переступить порог, чтобы уйти, как вдруг увидел, что прямо за ним стоит человек.

Глаза у того были необычайно чёрные, без единого проблеска, словно у призрака. Тени под глазами оттеняли мертвенную бледность кожи, придавая ей зеленоватый отлив. Столкнувшись с таким внезапно, нос к носу, было весьма жутко. Будь на месте Сюань Миня обычный человек, он бы, наверное, от неожиданности подпрыгнул до балок.

Однако Сюань Минь и Сюэ Сянь явно обычными людьми не были.

Один был отчаянно смел, другой — непоколебимо спокоен; оба, прожив изрядную часть жизни, вероятно, так и не узнали, как пишется слово «страх».

И потому этот ледяной лысый монах и негодник, сидящий у него в кармане, уставились на нежданного гостя с почти одинаковыми, бесстрастными лицами.

Пришелец, позеленев, отшатнулся, прижал руку к груди и пробормотал: «Что так резко оборачиваешься? Чуть не умер от страха».

Сюань Минь: «...»

Сюэ Сянь: «...» Этот книжный червь точно себе мозги чтением затуманил.

Стоящим сзади был не кто иной, как Цзян Шинин.

Увидев его, Сюэ Сянь даже слегка забеспокоился: «Если этот книжный червь услышит, что советник Лю о его родителях такое говорил, так он сейчас же засучит рукава и пойдёт в зал драться. Интересно, справится ли этот хворостинка с двумя стариками».

Но, услышав интонацию Цзян Шинина, он понял: тот, скорее всего, не слышал той бессмысленной болтовни о его родителях.

Сюэ Сяню это даже слегка обрадовало: по крайней мере, не придётся волноваться, что этот книжный червь пойдёт на верную смерть. Высунувшись из кармана, он очень брезгливо махнул на Цзян Шинина: «Ну-ка быстро разворачивайся, пошли, пошли!»

— С чего такая спешка? — Цзян Шинин, хоть порой и препирался с Сюэ Сянем, по натуре был мягок, иначе бы и не терпел его несколько дней, покорно исполняя указания, да ещё и едой рот ему затыкая, несмотря на колкости.

И хотя он спрашивал «с чего», тело его уже послушно развернулось и переступило порог задней двери — в полном недоумении, но без малейшего промедления.

Увидев это, Сюань Минь, уже было поднявший руку, собрался её опустить, как вдруг Сюэ Сянь прошептал: «Лысый, ты руку поднял, чтобы наконец-то не выдержать и треснуть этого книжного червя за его дурость?»

<http://bllate.org/book/16289/1467810>